

Скотч на полу

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская

Скотч на полу

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Скотч на полу / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Алиса Ветрова — лучшая студентка архитектурного, которая выиграла конкурс и получила квартиру при университете. Её план прост: тишина, чертежи и дипломный проект «Дом Света» — мечта покойного отца. План рушится в первую же ночь, когда в квартиру вламывается Даниил Рихтер — сын ректора, мажор и бездельник с фотографической памятью. Отец наказал его: теперь Дэн обязан закрыть «хвосты» и написать курсовую под присмотром Алисы. Или армия. Она делит квартиру строительным скотчем пополам. Он обещает сделать её жизнь невыносимой. Но за маской циника обнаруживается талантливый парень, а за бронёй отличницы — живая девушка со шрамом на сердце. Одна курсовая. Один диплом. Одна полоска скотча. И двое, которые поклялись не переступать границу. Но что, если границы существуют для того, чтобы их нарушать? От ненависти до любви. От скотча до совместного будущего. Тёплая, смешная и чувственная история о том, что настоящая близость начинается там, где заканчиваются правила.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Скотч на полу	5
Глава 2. Правила созданы, чтобы их нарушать	11
Глава 3. Трещина в броне	17
Глава 4. Шрам	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Надежда Чародейская

Скотч на полу

Глава 1. Скотч на полу

Алиса

В моей новой квартире пахло краской, деревом и абсолютной, ничем не нарушенной тишиной. Это был лучший запах в моей жизни.

Я медленно прошла по гостиной, провела ладонью по гладкой стене и улыбнулась как идиотка. Три комнаты. Три. У меня никогда в жизни не было трёх комнат. В общежитии я ютилась в капсуле два на три метра с вечно храпящей соседкой и тараканами, которых мы называли по именам. Теперь у меня — своя кухня, свой санузел и даже балкон с видом на университетский парк.

— Ну здравствуй, новая жизнь, — прошептала я и плюхнулась на диван, всё ещё затянутый фабричной плёнкой.

В дверь постучали. Я вздрогнула. Ключи были только у меня и у коменданта. Неужели проверка?

На пороге стояла Карина. Рыжая, веснушчатая, с двумя огромными пакетами и бутылкой шампанского, торчащей из сумки.

— Соседка, мать твою, вызывали? — она ввалилась внутрь, даже не дожидаясь приглашения. — Ого! Да тут целые хоромы! Показывай, где моя комната.

— У тебя своя общага, забыла?

— Забудь это страшное слово, — Карина уже деловито обследовала кухню, распахивая шкафчики. — Мы в элитном жилье. Мы теперь — элита. А элита пьет шампанское из горлышка. Где стаканы?

Я засмеялась. С Кариной мы дружили с первого курса. Она была как ураган — сносила всё на своём пути, но каким-то чудом всегда оставляла после себя порядок. Мы были абсолютно разными. Я — чёрные водолазки, чертежи до трёх ночи и вечный страх не оправдать ожиданий. Карина — цветные шоперы, спонтанные поездки и философия «будь что будет». Может, поэтому мы и дополняли друг друга.

— За победу! — Карина протянула мне стакан с шампанским. — За архитектурный гений Алису Ветрову, которая сделала этих профессоров и выбила себе квартиру.

— За квартиру, — чокнулась я. — И за то, чтобы меня никто здесь не трогал. Мне нужен покой. Диплом сам себя не начертит.

— Скучно живёшь, Ветрова.

— Зато стабильно.

Шампанское приятно пузырилось в горле. Мы сидели прямо на полу, потому что мебели ещё почти не было. Я расстелила свои чертежи, Карина комментировала их дикими идеями вроде «добавь аквариум в стену» и «а давай построим дом-печенье».

Всё было идеально.

До того момента, как в замке повернулся ключ.

Мы замерли. Переглянулись.

— Ты кого-то ждёшь? — одними губами спросила Карина.

Я помотала головой. Сердце ухнуло в пятки. Ключи есть только у коменданта, а комендант в такое время...

Дверь распахнулась.

В коридор ввалились трое. Две девицы в чём-то блестящем и едва достигающем до середины бедра. И парень.

Он был высоким — настолько, что едва не касался макушкой дверного косяка. Светлые волосы в художественном беспорядке, очки в толстой чёрной оправе, расстёгнутая на груди рубашка. Он смеялся чему-то, слегка покачиваясь, и даже со своего места я уловила запах дорогого алкоголя и ещё чего-то — парфюма с нотками сандала, кажется.

— О, — сказал он, заметив нас. Улыбнулся — ленивой, слегка презрительной улыбкой. — А вы кто? Новая прислуга отца?

Карина поперхнулась шампанским. Я медленно поднялась с пола.

— Это моя квартира, — сказала я таким голосом, от которого даже профессор Ветров (не родственник, однофамилец) обычно заикался. — А вы, собственно, кто?

— Твоя? — парень обвёл помещение расфокусированным взглядом. — Забавно. Мой отец купил эту квартиру, когда я ещё в школе учился. Так что технически — она моя.

— Технически, — я скрестила руки на груди, — она предоставлена победителю архитектурного конкурса. То есть мне. Официально. На бумаге. С печатью.

— На бумаге с печатью, — передразнил он. — Страшная женщина. Девочки, вы слышите? Бумага. С печатью.

Девицы захихикали. Я узнала одну из них — кажется, с факультета дизайна. Вторая была мне незнакома.

— Вали, — коротко сказала Карина, поднимаясь и становясь рядом со мной. — У нас девичник, ты не вписываешься в дресс-код.

— А ты мне нравишься, рыжая, — хмыкнул парень. — Но проблема в том, что я никуда не пойду. Потому что я теперь здесь живу.

— Что?!

Он обвёл рукой пространство:

— Отец. Воспитательный момент. Типа — хватит прожигать жизнь, сынок, поживи отдельно, закрой хвосты, напиши курсовую. Ну и всё такое. — он зевнул. — Так что привыкайте. Я Даниил. Можно Дэн. Можно «эй ты, убери носки». Мне плевать.

Я стояла как громом поражённая.

— Ты — сын ректора, — тихо сказала я.

— Бинго, — он ткнул в меня пальцем. — Приз в студию. Завтра папа позвонит и всё тебе объяснит. А пока — давай договоримся: ты не лезешь ко мне, я, так уж и быть, не привожу сюда друзей каждую ночь. Мир?

— Ага, — кивнула я. — Мир.

И молча отправилась на кухню.

Карина двинулась за мной. Девушки Дэна что-то зашептали ему на ухо, явно недовольные таким раскладом. Я не слушала.

На кухне я открыла ящик, который заприметила ещё днём. Хозяйственный набор: молоток, гвозди, изолента и... да. Широкий строительный скотч. То, что надо.

— Что ты задумала? — прошептала Карина.

— Увидишь.

Я вернулась в гостиную с мотком скотча в руке. Дэн как раз провожал своих девиц — видимо, они всё же решили не оставаться. Захлопнув за ними дверь, он обернулся ко мне.

— Что это у тебя? — он кивнул на скотч.

— Демаркация границ.

— Чего?

Не отвечая, я присела на корточки и аккуратно приклеила полоску скотча ровно посередине коридора. Затем продолжила её на кухню и гостиную. Ровная серебряная линия разделила квартиру пополам.

— Вот, — я выпрямилась и отряхнула руки. — Это моя половина. А это — твоя. Если переступишь линию без моего разрешения, я воткну тебе карандаш в глаз.

Дэн уставился на меня. Очки слегка съехали на кончик носа. Он молчал.

— У меня много карандашей, — добавила я на всякий случай. — И все остро заточены.

Пауза затянулась. Я уже приготовилась к новой порции сарказма или угрозам позвонить папочке. Но Дэн вдруг медленно стянул очки, протёр их краем рубашки и снова надел.

Потом посмотрел на меня. Уже без ленивого презрения. По-другому — цепко, остро, с искрой интереса.

— А ты забавная, Ветрова, — сказал он. — Ладно. Принимаю правила игры.

Он шагнул на свою половину, демонстративно опустился на диван — свой диван, на пыльной плёнке — и закинул ноги на подлокотник.

— Спокойной ночи, соседка, — бросил он, не глядя на меня. — И да — храплю я громко. Тоже предупреждаю заранее.

Карина тихо присвистнула у меня за спиной.

А я стояла над своей полоской скотча и понимала, что мой «идеальный покой» только что накрылся медным тазом. Причём тазом дизайнерским, дорогим и абсолютно мне не нужным.

Утро началось с запаха кофе. Чужого кофе — в моей кухне. На моей плите.

Я вышла из спальни, завернувшись в плед, и обнаружила Дэна на его половине кухни. Он стоял ко мне спиной, в одних домашних штанах, и варил кофе в турке. На его половине столешницы уже выстроилась батарея баночек: кофе в зёрнах, сахар, сливки в стеклянной бутылочке.

— Доброе утро, соседка, — не оборачиваясь, произнёс он. — Кофе хочешь?

— Это подкуп?

— Это гостеприимство. Ты же у нас за правильные манеры. Бумаги. Печати.

Я проигнорировала шпильку. Пересекла линию скотча — свою линию — и включила чайник на своей половине плиты.

— Я пью чай.

— Скучно живёшь, Ветрова.

— Это мой девиз, — буркнула я.

— А я слышал, ты гений, — он наконец обернулся. Без очков его глаза оказались серо-голубыми, и это было нечестно. Нечестно — иметь такие глаза, такой торс и при этом быть таким... таким... — Все профессора говорят: «Ах, Ветрова, новый Корбюзье». А пьёшь чай из пакетиков.

— Чай из пакетиков экономит время. А время — единственный невозполнимый ресурс, — отчеканила я. — В отличие от отцовских денег.

Он хмыкнул, но не обиделся. Просто взял свою турку и налил кофе в маленькую чашку — фарфоровую, явно привезённую с собой.

— Ладно, экономистка. Давай к делу. Отец сказал, что ты в курсе ситуации.

— Мне никто ничего не говорил.

— Значит, сейчас узнаешь.

Телефон Дэна зажужжал на столешнице. Он бросил взгляд на экран и кивнул мне:

— Ответь. Это папа. Он любит громкую связь. Говорит — это дисциплинирует.

Я не двинулась с места. Тогда он сам нажал на приём и включил громкую связь.

Из динамика раздался сухой голос ректора Рихтера — голос, который я сотни раз слышала на лекциях и собраниях.

— Даниил. Ты в квартире?

— Доброе утро, папа. Да, я в квартире. Со мной Алиса Ветрова, можешь поздороваться.

— Доброе утро, Виктор Эдуардович, — сказала я чуть громче, чем нужно.

— Алиса, доброе, — голос ректора едва заметно потеплел. — Прошу прощения за обстоятельства. Мой сын временно поживёт с вами. Это не наказание для вас, а воспитательная мера для него.

— Я поняла.

— Даниил должен закрыть две задолженности и написать курсовую по архитектурной акустике до конца семестра. Если не справится — отчисление и армия. Вы, Алиса, будете... скажем так, его куратором. Поможете с материалом. Взамен квартира останется в вашем распоряжении до защиты диплома. Если откажетесь — комендант подберёт другого жильца.

У меня внутри всё оборвалось. Другого жильца. То есть — обратно в общагу? К храпящей соседке и тараканам?

— Я поняла, — повторила я.

— Вот и славно. Даниил, не разочаруй меня.

Гудки.

Дэн отсалютовал телефону чашкой кофе.

— Вот так, Ветрова. Мы в одной лодке. Или, точнее, на одном скотче.

Он улыбнулся — на этот раз почти по-человечески. Почти. В этой улыбке всё равно читался вызов.

А я подумала о том, что в лодке с таким как он можно либо доплыть до берега, либо утонуть. И что-то мне подсказывало: утонуть — более вероятный сценарий.

Но квартиру я терять не собиралась.

— Ладно, Рихтер, — сказала я, доставая свой чайный пакетик. — Будем учиться жить вместе. Но правила устанавливаю я.

— Какие ещё правила?

Я достала из папки лист бумаги и положила на разделительную линию скотча.

— Пункт первый. Никаких гостей после десяти вечера. Пункт второй. Грязная посуда не копится. Пункт третий. Ты ходишь на пары, и я проверяю. Пункт четвёртый...

— Стоп-стоп-стоп, — он поднял руки. — Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

Дэн посмотрел на лист, потом на меня. В его глазах плясали чёртики.

— А знаешь что, Ветрова? — медленно сказал он. — Ты мне начинаешь нравиться.

— Это ненадолго, — пообещала я. — Читай правила.

И он — о чудо — начал читать.

Так началась наша совместная жизнь. Жизнь, в которой одна полоска скотча отделяла ненависть от чего-то совершенно другого. И никто из нас тогда не догадывался, чем всё обернётся.

Глава 2. Правила созданы, чтобы их нарушать

Дэн

Утро понедельника — худшее изобретение человечества. Кто вообще решил, что пары должны начинаться в восемь тридцать? Садист. Однозначно садист с архитектурным образованием.

Я лежал на своём диване, пялился в потолок и слушал, как на половине Ветровой что-то шуршит, звенит и двигается. Девушка-тайфун. Она встала в шесть утра. В шесть! В выходной! И уже успела, кажется, переделать все дела, которые нормальные люди откладывают на неделю.

— Рихтер! — её голос раздался ровно над моим ухом.

Я подскочил. Она стояла прямо надо мной, переступив линию скотча. В руке — стакан с водой.

— Только попробуй, — предупредил я, отползая к спинке дивана.

— Подъём. У тебя первая пара — архитектурная акустика. Профессор Сомов не любит опозданий.

— Сомов — зануда.

— Сомов — твой научный руководитель по курсовой. Вставай.

Она выглядела до неприличия бодрой. Чёрная водолазка, волосы собраны в высокий хвост, в руке неизменный карандаш. Наверное, она с ним и спит.

— Ветрова, скажи честно: тебя в детстве уронили в чан с ответственностью?

— В чан с амбициями, — поправила она. — И если ты не встанешь через пять минут, я вылью воду.

— Ты не посмеешь.

Она приподняла стакан.

— Ты меня совсем не знаешь, Рихтер.

Я знал. Я видел её всего сутки, но уже понял: эта посмеет. Эта и из пушки выстрелит, если пообещала.

— Ладно, — я спустил ноги на пол. — Но кофе. Сначала кофе.

— Кофе на твоей половине. Моё дело — доставить твою тушку на пару.

Буркнув что-то нечленораздельное, я поплёлся на кухню. На моей половине всё было нетронуто — Ветрова, надо отдать ей должное, свято соблюдала границу. Я включил кофемашину и покосился на неё.

Она сидела за столом на своей половине, уткнувшись в планшет. Чертила что-то быстрыми, точными движениями. Я невольно засмотрелся. В её лице, когда она работала, появлялось что-то завораживающее. Полная концентрация. Будто весь мир исчезал, оставляя только линии на экране.

— Что чертишь? — спросил я.

Она вздрогнула — не ожидала вопроса.

— Дипломный проект. Концепт общественного центра.

— Покажешь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты ещё даже курсовую не начал, Рихтер. Сначала докажи, что ты не безнадёжен.

Я усмехнулся. А она умела бить по больному.

— А если я не безнадёжен? Если я, может быть, даже талантлив?

— Талант без дисциплины — это просто нераскрытый потенциал, — отчеканила она. — То есть ноль. Пустое место.

— Ого. Тебе бы мотивационные плакаты рисовать.

Кофе был готов. Я сделал глоток и почувствовал, как жизнь медленно возвращается в тело.

— Ладно, Ветрова. Уговорила. Идём на твою акустику.

— На твою акустику.

— На нашу, — я подмигнул ей. — Мы же теперь в одной лодке, забыла?

Она закатила глаза так выразительно, что я чуть не заплодировал.

До университета мы шли порознь — Ветрова на три шага впереди, я сзади, делая вид, что мы вообще не знакомы. Так было проще. Я не горел желанием объяснять знакомым, почему я иду на пары с главной заучкой потока.

Хотя кого я обманываю. Объяснять пришлось бы в первую очередь Мирону. А Мирон — это отдельная история.

Мирон Коваль ждал меня у входа в аудиторию. Здоровенный, плечи — во весь дверной проём, лицо ангела и кулаки кузнеца. Сын простого автослесаря, попавший в архитектурный по олимпиаде. Учился на бюджете, получал стипендию, подрабатывал по ночам. В общем, полная моя противоположность. За это я его и уважал.

— О, — сказал Мирон, глядя на меня поверх телефона. — Ты живой. И даже без перегара. Чудеса.

— Сам в шоке, — я хлопнул его по плечу. — Знакомься, это моя новая соседка. Алиса Ветрова.

Ветрова замерла на полпути к двери. Обернулась. Смерила Мирона быстрым взглядом — архитекторским, оценивающим пропорции.

— Очень приятно, — сказала она нейтрально.

— Ветрова? — Мирон оживился. — Та самая Ветрова? Которая выиграла конкурс с проектом мобильного жилья для северных регионов?

Я удивлённо уставился на Алису. Она слегка покраснела. Совсем чуть-чуть — но я заметил.

— Вы следите за конкурсами? — спросила она.

— Я слежу за людьми, которые реально что-то умеют, — пожал плечами Мирон. — Ваш проект был мощным. Особенно решение с трансформируемыми модулями.

— Спасибо, — Ветрова явно растерялась. Она не привыкла, когда её хвалят. Интересно.

— Ладно, архитектурные гении, — перебил я. — У нас сейчас акустика. Сомов. Кошмар и ужас.

— Сомов — лучший спец по акустике в стране, — возразила Ветрова. — Между прочим.

— Вот именно. Поэтому его пары — кошмар и ужас.

Мирон хохотнул, и мы втроём вошли в аудиторию.

Профессор Сомов оказался именно таким, каким я его представлял: сухой, высокий, с усами как у моржа и голосом, способным разрезать сталь. Он говорил о звуковых волнах, диффузии и реверберации так, будто читал лекцию самой Вселенной о её ошибках.

Я честно пытался слушать. Правда. Но где-то на пятнадцатой минуте мой мозг начал отключаться. Я достал телефон. Открыл игру. Потом закрыл. Посмотрел в окно. Потом на Ветрову.

Она сидела через два ряда от меня и записывала каждое слово. Её карандаш летал по бумаге, и я вдруг заметил, что она не просто конспектирует — она рисует. Прямо во время лекции. Схемы, диаграммы, какие-то объёмные модели от руки.

Это было красиво. Я таких скетчей даже у старшекурсников не видел. У неё была школа. Настоящая.

— Рихтер! — голос Сомова ударил как хлыст. — Повторите, что я только что сказал!

Я медленно поднялся.

— Вы сказали, что звук в замкнутом пространстве ведёт себя как испуганная кошка, — произнёс я. — Мечется, ищет выход и орёт, если его зажать.

В аудитории повисла тишина. Потом кто-то прыснул. Потом ещё кто-то.

Сомов побагровел.

— Рихтер, вы... вы... — он запнулся. — Остроумно. Но не точно. Оставайтесь после пары.

Ветрова обернулась и посмотрела на меня. Я пожал плечами. А что я такого сказал? По моему, отличная метафора.

После пары Сомов долго и нудно объяснял мне, что я бездельник, что мой отец разочарован, и что если я не напишу курсовую, меня ждёт армия. Я слушал, кивал и думал о том, что кошка — действительно хорошая метафора. Может, даже использовать её в работе.

Когда я вышел из аудитории, в коридоре меня ждала Ветрова.

— Ты специально, — сказала она.

— Что специально?

— Специально его провоцируешь. Зачем?

Я прислонился к стене.

— Может, мне скучно, Ветрова. Может, я не вижу смысла во всём этом. Архитектура, акустика, дипломы... Ради чего? Чтобы строить торговые центры для тех, у кого и так всё есть?

Она молчала. Я думал, она начнёт спорить. Но она просто стояла и смотрела на меня. И взгляд у неё был — не осуждающий. Скорее, изучающий.

— Знаешь, что сказал твой отец на открытии этого корпуса? — тихо спросила она.

— Понятия не имею.

— Он сказал: «Архитектура — это не стены. Это пространство, в котором человек либо счастлив, либо нет. И наша задача — сделать его счастливым».

Я моргнул. Отец говорил это? Я не слышал. Я вообще редко его слушал в последние годы.

— Мой отец — архитектор, — продолжила Ветрова. — Был архитектором. Он умер, когда мне было пятнадцать. Его последний проект так и не построили — не хватило денег. Но я помню, как он говорил: «Алиска, дом — это живое существо. Он дышит. Он слышит. И если архитектор сделал ошибку, дом будет кричать». — Она помолчала. — Поэтому я здесь. Чтобы строить дома, которые не кричат.

Я не нашёлся что ответить. В горле вдруг пересохло.

— Твой отец был хорошим архитектором, — сказал я наконец.

— Лучшим.

— Покажешь мне его проект?

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Что-то в нём изменилось — ушла колючесть, появилась осторожная теплота.

— Может быть, — сказала она. — Если ты начнёшь ходить на пары без фокусов.

— Договорились, Ветрова.

— И напишешь первую главу курсовой.

— Не наглей.

Она улыбнулась. Впервые — по-настоящему, не саркастически. И от этой улыбки у меня внутри что-то странно дрогнуло.

— Ладно, Рихтер, — сказала она. — Пойдём домой. У тебя по плану чтение учебника.

— Чтение учебника? Ты серьёзно?

— Абсолютно. Я составила расписание. На месяц вперёд.

— Ты чудовище, Ветрова.

— Я твой куратор, Рихтер. Привыкай.

И мы пошли через университетский парк. Она — на шаг впереди, я — следом. Но теперь между нами не было трёх шагов расстояния. Один. Может, полтора.

Дома нас ждал сюрприз.

Карина сидела на кухне — точнее, на моей половине кухни, — и деловито раскладывала какие-то баночки.

— Привет, голубки! — радостно объявила она. — Я тут принесла масочки для лица. Будем расслабляться!

— Карина! — Ветрова всплеснула руками. — Это не твоя половина!

— Ой, да ладно, подумаешь, полоска скотча. Это же символично!

— Это правила, — твёрдо сказала Ветрова.

— Правила созданы, чтобы их нарушать! — Карина подмигнула мне. — Правда, Дэн?

— Мне нравится эта девушка, — сказал я и плюхнулся на диван.

Ветрова застонала. Карина засмеялась. А я вдруг поймал себя на мысли, что всё это — скотч, учебники, крики Сомова и нашествие подруг с масками — начало мне нравится. Не так чтобы очень. Но чуть-чуть.

Совсем чуть-чуть.

Вечером, когда Карина ушла, а Ветрова засела за свои чертежи, я включил ноутбук и открыл пустой документ. Курсовая. Архитектурная акустика.

Я тупо смотрел на мигающий курсор.

А потом написал первую строчку: «Звук в замкнутом пространстве ведёт себя как испуганная кошка».

Удалять не стал.

Глава 3. Трещина в броне

Алиса

Утро среды началось с катастрофы.

Нет, не так. Утро среды началось с того, что я обнаружила Дэна спящим на моей половине дивана.

Он лежал, свернувшись калачиком, поджав под себя мою подушку — мою! — и тихо посапывал. Светлые волосы разметались по тёмной обивке. Очки валялись на полу. Одна рука свесилась вниз и почти касалась линии скотча.

Я замерла с чашкой чая в руке. В голове билась одна мысль: он переступил границу. Физически. Буквально. Вторгся на мою территорию.

Но почему-то мне не хотелось его будить.

Я стояла и смотрела на него, наверное, целую минуту. Во сне лицо Дэна было совсем другим — не наглым, не насмешливым. Беззащитным, что ли. Мальчишеским. И я вдруг заметила, какие у него длинные ресницы. Это было нечестно. У парней вообще не должно быть таких ресниц.

— Нравлюсь? — пробормотал он, не открывая глаз.

Я подпрыгнула на месте, едва не расплескав чай.

— Ты спал! — выпалила я обвинительно.

— Уже нет. — Он потянулся, как большой ленивый кот, и приоткрыл один глаз. — Ты пялилась. Я чувствовал.

— Я не пялилась. Я оценивала масштаб нарушения.

— Чего?

— Ты на моей половине, Рихтер.

Он приподнялся на локте, оглядел диван, потом скотч на полу и хмыкнул.

— Действительно. Как я здесь оказался?

— Это ты мне скажи.

— Лунатизм? — предположил он. — Или, может быть, твоя половина дивана удобнее моей. Ты не пробовала сравнивать?

— Вставай.

— Не хочу. У тебя тут уютно.

— Рихтер!

— Ладно-ладно, — он медленно, очень медленно поднялся и пересёк линию скотча. — Счастлива?

— Безумно.

Он подобрал очки, водрузил их на нос и направился на кухню. Уже оттуда донеслось:

— Кстати, твой чай остыл.

Я посмотрела на чашку. Действительно. Чёрт.

На утреннюю пробежку я вышла в отвратительном настроении. Бег всегда помогал мне привести мысли в порядок, но сегодня мысли категорически отказывались упорядочиваться. Они крутились вокруг одного человека.

Даниил Рихтер. Сын ректора. Мажор. Бездельник. Провокатор. И — неожиданно — человек, который написал первую страницу курсовой.

Я видела её вчера вечером. Он оставил ноутбук открытым. Я не специально подглядывала — просто проходила мимо. И прочитала пару абзацев.

Это было... хорошо.

Не «хорошо для бездельника». А просто хорошо. Живо, образно, с неожиданными метафорами. «Звук как испуганная кошка» — я улыбнулась, вспомнив фразу Сомову. В тексте эта метафора раскрывалась так изящно, что я бы никогда не подумала, что автор — человек, не сдавший две сессии.

Кто ты такой, Даниил Рихтер? И почему прячешься за маской?

Университетский парк был пуст. Только я и мои мысли. И ещё кто-то — я услышала шаги сзади.

Я обернулась.

Меня догонял Мирон Коваль. Огромный, в растянутой футболке с логотипом какого-то рок-фестиваля, он бежал легко, будто весил в два раза меньше.

— Ветрова! — он поравнялся со мной. — Тоже бегаешь по утрам?

— Каждую среду и пятницу.

— А я каждый день. Надо форму держать. — Он хлопнул себя по животу, на котором, честно говоря, не было ни грамма лишнего. — Бокс.

— Ты боксёр?

— Бывший. Сейчас так, для себя.

Мы побежали рядом. С Мироном было легко молчать — он не заполнял паузы пустой болтовнёй. Я поймала себя на мысли, что он мне нравится. Не как парень — как человек. Открытый, простой, без двойного дна.

— Как там наш общий знакомый? — спросил он. — Не сильно тебя достаёт?

— Дэн? — я пожала плечами. — Терпимо.

— Терпимо — это уже победа, — усмехнулся Мирон. — Обычно от него сбегает через неделю.

— Я не сбегаяю. У меня квартира на кону.

— А, точно. Слышал про ваш договор. — Он помолчал. — Знаешь, Дэн — он не такой, каким хочет казаться.

— Уже поняла.

— Его мать умерла. Давно, ему было тринадцать. После этого он с отцом разругался в хлам. Виктор Эдуардович — хороший мужик, но эмоций не показывает вообще. А Дэну нужны были эмоции. Он их искал где мог. — Мирон вздохнул. — В общем, не суди строго.

Я вспомнила слова Дэна в коридоре. «Архитектура — это не стены. Это пространство, в котором человек либо счастлив, либо нет». Он цитировал отца. Он всё слышал.

— Я не сужу, — сказала я.

— Вот и правильно.

Мы сделали ещё круг по парку. У фонтана Мирон попрощался — ему надо было на подработку. А я осталась сидеть на скамейке, запыхавшаяся, вспотевшая и странно взволнованная.

Смерть матери. Разрыв с отцом. Одиночество, замаскированное под вечеринки и сарказм.

Чёрт. Я не хотела этого знать. Не хотела понимать его. Потому что понимать — значит сочувствовать. А сочувствовать — значит сближаться.

А сближаться с Даниилом Рихтером было опасно.

В квартиру я вернулась с твёрдым намерением сохранять дистанцию. Профессиональные отношения. Куратор — подопечный. Ничего личного.

План провалился в ту же секунду, как я открыла дверь.

В гостиной сидел Дэн — и не один. Рядом с ним на диване расположилась девушка. Та самая, с факультета дизайна, которую я видела в первый вечер. Блондинка с идеальной укладкой и улыбкой акулы.

— Ой, — сказала она, увидев меня. — А ты, наверное, соседка? Данечка рассказывал.

Данечка.

— Алиса, — сухо представилась я. — А вы?..

— Лера, — она улыбнулась шире. — Лера Соболева. Мы с Даней старые друзья.

Соболева. Я вспомнила. Дочь главного спонсора университета. Семья владела строительной компанией. На факультете её не любили, но боялись — могла испортить карьеру одним звонком отца.

— Очень приятно, — сказала я, не испытывая ни капли приятности.

— Взаимно! — проворковала Лера. — Данечка, ты не говорил, что твоя соседка — та самая Ветрова. Героиня конкурса.

— Не думал, что тебе интересно, — Дэн говорил лениво, но я заметила, как напряглись его плечи. Ему было некомфортно. Хорошо.

— Мне всё интересно, что связано с тобой, — Лера провела пальцем по его руке. — Особенно теперь, когда вы живёте вместе. Как это... мило.

— Мы не вместе живём, — отрезала я. — Мы делим квартиру по необходимости. У нас договор.

— Договор? — Лера рассмеялась. — Как романтично.

Я открыла рот, чтобы ответить что-нибудь едкое, но меня опередил телефонный звонок.

Я взглянула на экран. Комендант.

— Извините, — бросила я и вышла в коридор.

— Алло?

— Ветрова? Это комендант Григорьев. Слушай, тут такое дело. Поступила жалоба.

— Жалоба? На что?

— На нарушение правил проживания. Якобы ты пускаешь в квартиру посторонних. Устраиваешь вечеринки. Мешаешь соседям.

У меня кровь отхлынула от лица.

— Это неправда.

— Я понимаю. Но жалоба официальная. Придётся провести проверку. Если подтвердится — договор аренды будет расторгнут.

— Но... кто подал жалобу?

— Анонимно. — Комендант помолчал. — Ветрова, ты хорошая студентка. Я не хочу тебя выселять. Но будь осторожна. И держи квартиру в порядке.

Гудки.

Я стояла в коридоре, сжимая телефон. Жалоба. Анонимная. Кто-то хотел, чтобы я вылетела из квартиры.

В голове сразу всплыл образ Леры Соболевой. Её акулья улыбка. Её сладкий голос.

«Как романтично».

Я вернулась в гостиную.

— Лера, — сказала я ледяным тоном. — Могу я поговорить с тобой наедине?

Дэн поднял бровь. Лера изобразила удивление.

— Конечно. Что-то случилось?

Мы вышли на балкон. Я закрыла за собой дверь.

— Это ты подала жалобу?

Лера посмотрела на меня. Маска любезности медленно сползла с её лица, обнажив что-то холодное и расчётливое.

— О чём ты?

— Ты прекрасно знаешь о чём. Жалоба коменданту. Нарушение правил проживания. Анонимно.

— Алиса, милая, — она улыбнулась, но теперь улыбка была другой. Острой. — Я не понимаю, о чём ты говоришь. Но если у тебя проблемы с жильём — может, это знак?

— Какой знак?

— Что тебе не место в этой квартире. И вообще... — она шагнула ближе. — Дэн — мой. Мы встречались. Мы снова будем вместе. А ты — просто временная помеха. Так что не усложняй.

Она повернулась и ушла, цокая каблуками. Хлопнула входная дверь.

Я осталась на балконе. Внутри бушевала ярость.

Дэн появился через минуту. Встал в дверях, сунув руки в карманы.

— Что это было?

— Твоя бывшая, — процедила я, — пытается меня выселить.

— Что?

— Она подала жалобу. Анонимную. Теперь комендант грозит расторгнуть договор.

Дэн побледнел. Я никогда не видела его таким — без тени улыбки, без сарказма. Только злость. Холодная, сжатая.

— Я разберусь.

— Не надо. Это мои проблемы.

— Это наши проблемы, — отрезал он. — Лера — моя ошибка. И я её исправлю.

Он развернулся и вышел. Через минуту хлопнула входная дверь.

Я опустилась на стул. В голове был сумбур. Жалоба. Лера. Дэн, который вдруг стал серьёзным и злым. И где-то на периферии — странное, тёплое чувство: он сказал «наши проблемы». Не «твои». Наши.

Это ничего не значит, сказала я себе. Просто слова.

Но почему-то стало чуть легче.

Вечером пришла Карина с тортиком. Потому что у Карины на любой кризис был торт.

— Значит так, — заявила она, раскладывая десерт по тарелкам (на моей половине стола, разумеется). — План действий. Пункт первый: вычисляем, кто подал жалобу.

— Я знаю кто. Лера Соболева.

— О, эта змея. — Карина закатила глаза. — Ну, это даже хорошо.

— Хорошо?!

— Конечно! Змею легче поймать, когда знаешь, где у неё нора. Пункт второй: мы доказываем, что жалоба ложная.

— Как?

— А вот тут начинается самое интересное. — Карина заговорщицки понизила голос. — У нас же есть козырь. Твой сосед.

— Дэн?

— Именно. Он сын ректора. Он может подтвердить, что в квартире тишина и порядок. К тому же он явно на твоей стороне.

— С чего ты взяла?

— Алиса, милая моя. Ты видела его лицо, когда ты сказала про жалобу? Он был готов убивать. Ради тебя.

Я почувствовала, как краснею.

— Не выдумывай. Просто квартира нужна и ему.

— Ага, конечно. — Карина подмигнула. — Ладно, не буду тебя смущать. Но ты подумай над моими словами.

Я взяла кусок торта. Шоколадный. Мой любимый.

— Карин, а как ты вообще попала в квартиру? У тебя же нет ключей.

— Ой, — она сделала невинное лицо. — Ты оставила дверь открытой. С кем не бывает.

— Я не оставляла.

— Значит, судьба.

Я вздохнула. С Кариной спорить было бесполезно.

Дэн вернулся поздно ночью. Я уже лежала в постели и слышала, как он тихо прошёл на свою половину. Остановился у линии скотча. Постоял.

— Ветрова, — позвал он шёпотом.

Я не ответила. Притворилась спящей.

— Я всё уладил, — сказал он в темноту. — Жалобу отзовут. Не спрашивай как.

Тишина.

— Спи спокойно, соседка.

Шаги. Скрип дивана.

Я лежала с открытыми глазами и улыбалась. И ненавидела себя за эту улыбку.

Глава 4. Шрам

Дэн

Лера жила в башне «Федерация» — разумеется, в пентхаусе с панорамным видом на Москву-реку. Её отец владел тремя этажами в этом муравейнике из стекла и бетона. Я бывал здесь раньше — когда мы ещё встречались. Тогда мне казалось, что это круто: собственный бассейн, подогреваемые полы, прислуга, которая приносит шампанское по щелчку пальцев.

Теперь меня тошнило от одного вида этого дома.

Консьерж узнал меня и пропустил без вопросов — видимо, Лера не потрудилась вычеркнуть меня из списка гостей. Или специально оставила. С неё станется.

Я поднялся на лифте на сороковой этаж и нажал на звонок. Лера открыла почти сразу, будто ждала. На ней был шёлковый халат, волосы распущены, на губах та самая акулья улыбка.

— Данечка! — проворковала она. — Как быстро ты примчался. Я думала, ты хотя бы до вечера продержишься.

— Отзовёшь жалобу, — сказал я без предисловий.

— Проходи. — Она отступила вглубь прихожей. — Поговорим как цивилизованные люди. Шампанского?

— Я серьёзно, Лера.

— Я тоже. — Её улыбка стала жёстче. — Либо ты заходишь и мы разговариваем, либо я ничего не отзываю. Выбирай.

Я вошёл. В гостиной ничего не изменилось с тех пор, как я был здесь в последний раз — всё та же белая кожаная мебель, стеклянные столики, абстрактная живопись на стенах. Дорого. Стерильно. Бездушно.

Лера опустилась на диван, закинула ногу на ногу. Халат слегка распахнулся, но я смотрел только ей в глаза. Это был бой. И она это знала.

— Значит так, Данечка, — начала она. — Жалоба — это только начало. Я могу сделать так, что твою драгоценную соседку выселят в двадцать четыре часа. Мой отец спонсирует университет, забыл? Один звонок — и у коменданта найдутся новые основания.

— Зачем тебе это?

— А ты не понимаешь? — она подалась вперёд. — Ты унизил меня. Бросил. Ради чего? Ради вечеринок, друзей, этой твоей напускной свободы. А теперь ты живёшь с какой-то нищенкой, которая выиграла конкурс. Ты — со мной! Со мной, понимаешь? А не с ней.

Я смотрел на Леру и вспоминал, как мы познакомились. Два года назад, на приёме у отца. Она была красива, остроумна, цинична — мы совпали в этом. Но довольно быстро я понял, что за блестящим фасадом скрывается пустота. Ей не нужен был я. Ей нужен был аксессуар. Сын ректора. Красивый парень на фотографиях. Статус.

Я ушёл через четыре месяца. Она не простила.

— Ты закончила? — спросил я ровно.

— Нет. Я только начинаю. — Она встала и подошла ко мне почти вплотную. — Данечка, я даю тебе шанс. Прямо сейчас. Ты возвращаешься. Мы забываем эту глупую ссору. И твоя соседка живёт спокойно в своей жалкой квартирке.

Повисла пауза. Я смотрел на Леру — на её идеальное лицо, дорогой халат, маникюр за сотню тысяч — и не чувствовал ничего. Вообще. Только усталость и лёгкое отвращение.

— Нет, — сказал я.

— Что?

— Нет. Я не вернусь.

— Тогда Ветрова вылетает. Завтра же.

Я покачал головой:

— Не вылетит. Потому что если ты это сделаешь, я пойду к твоему отцу. И расскажу ему про тот аудит. Помнишь? Тот самый, который ты просила меня «не замечать». Про откаты на стройматериалах. Про поддельные накладные.

Лицо Леры застыло. Краска медленно отхлынула от щёк.

— Ты блефуешь.

— Проверь.

Я не блефовал. Когда мы встречались, Лера проболталась о махинациях отца. Тогда мне было плевать — чужая стройка, чужие деньги. Но кое-какие документы у меня сохранились. На всякий случай. Спасибо паранойе, которой меня наградил отец.

Лера молчала. Акуля улыбка исчезла. Теперь на меня смотрела загнанная в угол хищница.

— Ты не посмеешь, — прошептала она.

— Ещё как посмею. — Я развернулся и пошёл к выходу. У двери остановился и бросил через плечо: — Жалобу отзовёшь до конца дня. И больше не трогаешь Ветрову. Тогда я забуду про аудит.

— Ты пожалеешь, — голос Леры дрожал от ярости.

— Уже, — сказал я. — Уже пожалел, что вообще с тобой связался.

Дверь захлопнулась за моей спиной. В лифте я прижался лбом к холодному зеркалу и выдохнул. Руки дрожали. Я только что налёг на рычаг, который мог уничтожить бизнес целой семьи. Или меня самого. Идиот. Какой же я идиот.

Но когда я представил лицо Ветровой, её упрямый подбородок и этот дурацкий строительный скотч, я понял: я бы сделал это снова. Не раздумывая.

Когда же ты успела стать такой важной, а, Ветрова?

После визита к Лере нужно было заехать к отцу. Я откладывал этот разговор уже месяц — с тех пор как он объявил ультиматум. Но теперь дело касалось не только меня. Жалоба, проверка, Лера — во всём этом был и его интерес. Он спонсор, с которым ссориться нельзя.

Кабинет ректора находился в главном корпусе, на третьем этаже. Я поднимался по лестнице и вспоминал, как бегал здесь в детстве, когда мать ещё была жива. Она работала на кафедре истории искусств и часто брала меня с собой. Я сидел в углу аудитории, рисовал что-то в блокноте и слушал её голос — мелодичный, тёплый. Она могла говорить о готических соборах так, что даже я, десятилетний пацан, заслушивался.

А потом она умерла. И я перестал рисовать.

Отец был в кабинете один. Сидел за массивным дубовым столом, перебирал бумаги. Когда я вошёл, он поднял голову и снял очки.

— Даниил. Я не вызывал тебя.

— Я сам пришёл. — Я сел напротив без приглашения. — Надо поговорить.

— Слушаю.

Отец всегда так говорил. Не «рад тебя видеть», не «как дела». «Слушаю». Как будто я был очередным посетителем.

— По поводу квартиры и Алисы Ветровой, — начал я. — Поступила ложная жалоба. От Леры Соболевой.

Отец нахмурился:

— Соболевой? Дочь Игоря Семёновича?

— Да. Она хочет, чтобы Ветрову выселили. Из личных мотивов.

— Каких?

— Я с ней встречался. Теперь не встречаюсь. Она злится.

Отец помолчал. Потом откинулся в кресле и посмотрел на меня долгим взглядом. Под этим взглядом я всегда чувствовал себя неудачником.

— Ты понимаешь, что Игорь Семёнович — наш ключевой спонсор? Его компания строит новый лабораторный корпус.

— Понимаю.

— И ты готов поспорить университет с главным инвестором ради... — он сделал паузу, — студентки?

— Дело не в студентке. Дело в справедливости. — Я услышал собственный голос и сам удивился. Справедливость? Я? Тот самый Даниил Рихтер, который всегда плевал на правила?

Отец, кажется, тоже удивился. Его бровь едва заметно дрогнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.